
ЧАСТЬ I

1.

— Только Бог может человека чему-то научить!

— Разве Бог учит не через других людей? — возразила Карина. — Разве Он не через них произносит самые важные слова? Как через людей рождает, например, великую музыку! Разве не так?

Она не помнила, о ком именно они тогда говорили, о чём конкретно спорили. Тема той беседы буквально стёрлась из памяти, сохранились лишь эти обрывки фраз. С Кариной часто такое бывало — не помнила, и всё. Скорее всего, потому что её дальнейшая жизнь и работа журналиста были связаны с бесчисленными разговорами и встречами, а потому всё второстепенное неизбежно утекало из её памяти, оставляя только главное — суть.

Но это совершенно точно был тот, неимоверно тяжёлый для Карины семнадцатый год. Его начало. И в рабочем кабинете Алевтины Мазур было холодно и осязаемо сыро — удивительно, конечно, для старинного питерского особняка с толстыми, почти в метр шириной, кирпичными стенами.

Но что-то давно прохудилось в этой красивой старине.

Монотонно били напольные часы в высокой лакированной оправе. Их «дин-дон» поднималось к белоснежному сводчатому потолку, скользило по его изящной лепнине, изображавшей диковинные растения, и эхом летело вниз. Последние лучи уставшего солнца высвечивали летающую в воздухе пыль, бликовали в стёклах массивных стеллажей, заполненных разноцветными толстыми папками. Само солнце уплывало куда-то за белый горизонт, и снег за окном падал лёгкий, невесомый, наполняя душу рождественским покоем. Вот только её учительский тон грубо резал эту волшебную тишину.

— Ради чего биться, как рыба об лёд? — чеканила Алевтина свои слова, не поднимая головы — на столе перед ней лежала кипа документов, которые она просматривала стремительно, лишь иногда делая заметки на полях. — Никого в этом мире не исправить и не изменить. Зачем тратить силы на пустоту?

— Люди — не пустота, — тихо и упрямо отвечала ей Карина, сидя напротив в кожаном кресле, глядя на эту снежно-молочную пелену за окном. — Просто мы не умеем видеть себя со стороны. И чужим словам

о себе редко верим. Но иногда эти чужие слова могут что-то изменить. Могут. Хотя и не сразу.

— Только не глупость и меркантильность! — отрезала Алевтина, наконец посмотрев ей прямо в глаза. — Карин, таких идиотов словами не перековать.

Голос у неё был сухой и поскрипывающий, волосы — похожи на львиную гриву, а взгляд — жёсткий, непримиримый, и чёрный карандаш, толстой линией отмечавший почти бесцветные глаза, расплывался пауком по мелким морщинкам. Алевтина Григорьевна Мазур работала шеф-редактором на радио, и в этом деле абсолютно точно была профессионалом: быстро писала сценарии, молниеносно вычитывала и утверждала чужие, могла заменить любого ведущего в эфире, всеми вокруг командовала, всё решала и всё разруливала.

А ещё она бесконечно всех ругала: старших коллег — за высокомерие и неблагодарность стране, молодых — за лень, тотальную безграмотность и раздражающую инфантильность, всю нашу творческую среду за глупость, духовную пустоту и повсеместное кумовство. Ругала и ругала. Любила это дело. И правильно, в общем-то, ругала.

Но Карину она почему-то любила, даже уважала. Когда-то в институте она вела

у них спецкурс, всего один семестр, но её тогда отметила, запомнила и однажды очень помогла — когда Карина совсем уже отчаялась найти работу, Алевтина Мазур договорилась, что девушку — правда, внештат — взяли в городскую газету. Так, в общем, всё и завертелось.

Позже Карина поняла, что Алевтина в том споре отчасти была права. Порой объяснять что-то, действительно, бесполезно. Каждый проходит свой путь, и мы можем, конечно, что-то услышать в словах другого человека, что-то даже воспринять. Но не больше, чем наша душа в тот момент к этому готова. Душу, как землю, нужно сначала распахать — болью, мукой, недоумением, бесплодным ожиданием и крахом всего, что казалось незыблемым. И очень часто — своим собственным падением.

А сама Алевтина Мазур, которая так бескомпромиссно судила окружающих, в 2022 году уехала из страны. Не сразу. И не по своей инициативе. Лишь вслед за сыном, успешным программистом, который не захотел жить в «осаждённой крепости», а она в итоге не смогла оставить без присмотра своего единственного, любимого, сорокалетнего ребёнка.

Пожалуй, это было самое неожиданное для Карины бегство. Не была Алевтина

похожей на остальных, слившихся в памяти в бесконечный, пёстрый, карнавальный поток отечественных релокантов. Большинство из тех людей, что разлетались во все стороны света, проклиная родную страну, были до комичности неотличимы друг от друга.

Но это будет только через пять лет. А пока за окном стояла снежная зима, когда не было ещё большой войны, но уже была неизбывная беда внутри страны — чёрная, как декабрьская ночь. И люди жили в этой тьме, не ведая скорых перемен.

* * *

Карина приехала в Петербург из-за любви. Огромной, детской, восторженной любви к этому блистательному городу, случившейся внезапно — пронзительно-светлой весной, во время школьной поездки. Гид вела их в Эрмитаж, и Карина буквально на несколько секунд замерла на набережной Зимней канавки. Она увидела, как утреннее солнце бесстрашно серебрит мерцающую гладь чёрной, мрачной воды. Как, отражаясь от неё и проходя через кованую ажурную ограду, рассеивает свой кружевной свет на строгие палевые фасады домов. А потом вдруг просачивается сквозь воздушную арку между зданиями —

и мощным потоком льётся на свободу, к весенней синей Неве, почти слившейся с голубым небом.

И ещё Карина запомнила сырой, вольный, пьянящий запах воды и светлый гранит, окаймлявший эти бесчисленные берега — на ощупь он был шершавый, чуть колючий и прохладный, как балтийское утро.

С тех пор она точно знала, что поступать будет только сюда — и не важно даже, в какой вуз.

...Она любила смотреть на Петербург из окна бывшей коммуналки, где жила — в самом центре города, в бывшем доходном доме на набережной реки Фонтанки. Из её комнаты на пятом этаже были видны бесконечные лабиринты грязно-жёлтых дворов, утренний туман, что клубился над тёмной рекой, сливаясь с серыми гранитными берегами, крытые поржавевшим железом, разноуровневые крыши... А на их фоне — сверкающие золотые купола Владимирской церкви* — словно случайно найденные драгоценные чаши среди развалин античного города.

Карина любила эту церковь — барочную, но словно обрусевшую: пятиглавую,

* Собор Владимирской иконы Божьей Матери.

нарядную, готовую радовать прохожих своим чистейшим жёлтым цветом и белоснежными наличниками в любой день, в любую погоду. Карина знала, что здесь отпевали Арину Родионовну — няню Пушкина. Что сюда часто ходил Достоевский в последние свои годы. И отчего-то именно её она считала самой русской из всех петербургских церквей. Она вообще постоянно искала здесь что-то русское, знакомое, родное, и так радовалась, когда — то на одной из линий Васильевского острова, то на бывшей Иоанновской, а ныне Социалистической улице, то неподалёку от Смольного сбора — душа вдруг находила хотя бы отдалённые приметы того маленького древнего города, где прошло её детство. Низкая крепостная стена, растущая сквозь её кирпич молодая берёза, сирень напротив покосившегося жилого окна...

В какой-то момент Карина поняла, что для неё нет ничего дороже, чем запах питерских парадных во время ливня — наверное, это пахли отсыревшие, почти сгнившие от старости деревянные перекрытия. Но память стремительно переносила её в деревенский дом любимого деда, где она, маленькая, часто изнемогала от скуки и несправедливости холодного летнего

дождя, не дававшего ей бежать к подружкам на улицу.

Карина не знала историю каждого благородного фасада, украшенного пузатыми амурами, строгими атлантами, прекрасными кариатидами или жуткими грифонами, что внимательно смотрели на неё, когда она торопилась на работу. Конечно, она читала что-то про владельцев и знаменитых жильцов этих домов, но никак не могла всё это запомнить. Такие истории откладывались, наверное, в детской памяти, когда их рассказывают внукам по пути в детский сад, расположенный в бывшем дворянском особняке — с высокими арочными окнами, дорогими витражами, широкой мраморной лестницей и коваными перилами, изображающими ноги мифических существ... Выросшие здесь дети срастались с этой отстранённой, равнодушной, инородной красотой постепенно, навеки становились её частью. Так насекомые застывают в искрящемся янтаре.

Карина забросила себя в этот город резко и бездумно. И почти сразу почувствовала эту неприютность одиноких дворов, обезличенность строгих проспектов.

Оказалось, что в Петербурге бывают не только вёсны, и большую часть года ей было невероятно холодно. Она часто сто-

яла в сквере неподалёку от дома и кормила птиц замёрзшими пальцами — ей нужно было ощущение кого-то живого рядом. Хотя бы голубя.

Ещё ей иногда казалось, что её русская душа просто не вмещается в эти строгие европейские линии расчерченных улиц, потому она постоянно тосковала и рвалась куда-то.

Но и уехать она уже не могла. Она полюбила этот непостижимый город, она к нему стремилась всей своей тёплой душой. А он спокойно стоял в сизой дымке, в плотном утреннем тумане, и, казалось, совсем не нуждался в её любви.

Да и возвращаться ей было некуда. Город детства мучительно терзал сердце родными могилами.

* * *

— На премьере Даша Кляйн будет! — влетела в комнату Инна. — Мы с ней вместе учились у Бадовича!

Рукою, цепкой и худой, как ветка ивы, она схватила лежащий на круглом столике старый коричневый фен — у них с Кариной был один на двоих. Да и большинство предметов в этой бывшей питерской коммуналке они спокойно делили.

— У её мужа свой независимый театральный проект, иммерсивный театр, очень крутой, и они точно искали пиарщика! Они в основном в Израиле сейчас обитают, тут бывают редко... — возбуждённо докладывала Инна, сунув фен под мышку, потом задумчиво уставилась на шкаф, забрала с полки финскую пудру в круглой синей банке и босая побежала в прихожую. — Помнишь, я рассказывала, как мы вместе ездили в Чайковский? Это Пермский край, такая дыра! Я с ней поговорю сегодня обязательно, они помогут! — доносился из темноты длинного коридора её высокий голос.

Карина пожала плечами и на секунду задумалась, как связан между собой Израиль, далёкий город Чайковский, расположенный на берегу реки Камы рядом с устьем Сайгатки, и независимый иммерсивный театр, где Инне обязательно должны помочь... Но её мозг тут же переключился на чайку — в соседнем доме кто-то кидал из форточки хлеб, и она, огромная и белая, так резко планировала в воздухе, что едва не задела их окно своим мощным крылом.

Эта квартира с видом на Владимирскую церковь принадлежала Инне Спиридоновой. Она приехала в Питер из области лет

двадцать назад. Сначала, ещё студенткой, смогла купить здесь крошечную комнатку — последняя помощь от матери, с которой они с тех пор почти не общались. И Карина не спрашивала подругу, почему — не привыкла лезть в чужую жизнь. Позже, после смерти деда, продав его крепкий дом на берегу псковского озера, Инна приобрела вторую и третью комнаты. Затем решила вопрос с вечно пьяным соседом из четвёртой — и никогда не рассказывала, как именно. Впрочем, и здесь Карина деликатно не лезла с вопросами.

Так Инна стала полноправной хозяйкой огромной питерской квартиры, бывшей коммуналки — с белоснежной изразцово-й печью, дубовым паркетом «ёлочкой», вычурной лепниной на потолке и персональным мусоропроводом на кухне. А Карине тогда приходилось ездить на работу из Весёлого посёлка*, где она снимала совершенно страшную, давно убитую кем-то комнату.

Они познакомились после спектакля, и когда Инна пригласила Карину пожить у неё за квартплату, она согласилась тут же, не раздумывая.

* Историческое название Правобережной части Невского района Петербурга.

Карина была в свободном плавании. Из музея, куда она устроилась экскурсоводом после института, давно уволилась. Неофициально подрабатывала гидом. И уже писала первые театральные рецензии. Для маленьких интернет-порталов — бесплатно, только бы опубликовали. Для медленно, но неотступно умиравших бумажных газет, — очень редко, и за совсем смешные деньги. Жила она впроголодь и была необыкновенно счастлива. На кофе ей хватало. Петербург, театр и кофе — для кого-то это уже мечта.

Инна тоже писала для нескольких театральных изданий. И, конечно, её тексты были сильнее — она училась на театроведческом, хоть его и не окончила. Но ни с профессией, ни с жизнью у неё не складывалось. Перед сном Инна часто стояла в прихожей и со злостью изучала своё отражение в мутном старинном зеркале, что осталось в этой квартире с позапрошлого века. В отличие от хрупкой и черноглазой Карины, Инна была высокой, грубоватой и нескладной, словно некрасивый мальчик, внезапно вытянувшийся за лето: бледные глаза навывкате, ахматовский нос с горбинкой, длинные губы полулуной и короткая стрижка.

Инна была неприкаянна, неустроенна и нелюбима. Впрочем, как и Карина, да

и многие люди вокруг. Но они держались друг друга и друг другу помогали.

* * *

...В тот день она и познакомилась с Юрой. На премьере спектакля — но не его, а его ученика. Совершенно дурацкий, нудный спектакль, где артисты истошно орали, бегали по сцене в адском красном свете, обливали друг друга воображаемым бензином из грязных пластиковых канистр и с диким воплем потом поджигали. Но Карина хорошо отдохнула, устроившись у стены и укрывшись собственным пиджаком.

— Круто, да? — шепнула ей на ухо Инна. — Нет, понятно, что у режиссёра с головой не всё в порядке, но у кого из нас в порядке? Нет ничего скучнее психически здорового человека...

Во время спектакля Карина внимательно изучала тёмный потолок, пытаясь отвлечься от дурости на сцене. Вдруг её пронзила неприятная мысль: сейчас, кажется, идёт Великий пост, хорошо ли, что она смотрит этот бред? Раньше она об этом никогда не задумывалась. Карина удивлённо пожала плечами, не найдя ответ. И очень обрадовалась, когда спектакль закончился.

Обычных зрителей — словно мусор — лихо вывели из здания. Намечался банкет по случаю премьеры.

В фойе стоял гул и звон бокалов. Сердито гудела, не справляясь с объёмом горячего дыхания, выходящая во двор вентиляция. Белые столики на высоких ножках качались из стороны в сторону — под весом людских локтей. Казалось, это корабль с беспечными пассажирами первого класса несётся куда-то по волнам сквозь шторм.

Между шумными артистами, деловитыми журналистами и степенными критиками бегал маленький, щуплый режиссёр по имени Паша. На голове у Паши была вязаная красная шапочка, в носу — пирсинг в виде висящего над губой кольца, под левым глазом — фиолетовый фингал. Вообще, Паша был типичный и эксцентричный: вертлявый, весь словно на шарнирах, в общем-то, довольно безобидный парень в круглых очках. Только обидчивый и дёрганный. Его мать работала когда-то редактором на легендарном ленинградском телевидении, женщиной была громкой, властной и в культурной жизни Петербурга довольно заметной. Потому его чаще звали «сын Марины», нежели Паша.

После спектакля он осторожно переходил от столика к столику, все присутству-